

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ КЛАССИКОВ

Джордж Гордон

Байрон

ода палачам

перевод Николая Самойлова

это должен прочитать каждый

12+

Джордж Гордон Байрон

Ода палачам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63573763

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99403-4

Аннотация

Байрон (1788-1824) – английский поэт, яркий представитель романтизма. Оказал огромное влияние, как на английскую, так и на русскую литературу. Его имя дало название целому поэтическому движению. Переводами его стихов занимались лучшие русские поэты. Сегодня некоторые переводы выглядят архаично, поэтому я сделал новые. Байрон, был одним из тех редких людей, у кого слово не расходится с делом. Это он доказал своим творчеством и жизнью.

Содержание

Ода палачам	6
Эпитафия	11
Сонет к Шильону	13
Эпитафия самому себе	16
Заплачешь ли	17
Пенелопе	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джордж Байрон

Ода палачам

Джордж Гордон Байрон – английский поэт, ставший символом романтизма. Оказал большое влияние на английскую и русскую литературу. Родился 22 января 1788 г в Лондоне. Его родители были обедневшими аристократами. Жили не богато. Отец с матерью расстались, когда Джордж был ребёнком. Мальчику не хватало материнской любви, поэтому он ощущал себя одиноким. К тому же он страдал хромотой и имел лишний вес. В 1798 г. умер его дед. Юный Байрон получил в наследство титул лорда и родовое поместье. Год спустя мальчик поступил на обучение в школу доктора Глени. Там он учился до 1801 г. Во время обучения он прочел произведения всех видных представителей английской литературы. Потом Байрон продолжил своё образование в Кембриджском университете.

В университетский период Байрон не только основательно изучает историю и литературу, но и серьёзно занимается плаваньем, боксом, фехтованием, много ездит верхом на лошади. Благодаря привлекательной внешности, острому уму и умению танцевать, пользовался успехом у женщин.

Летом 1809г. поэт отправляется в заграничное путешествие. Он посетил Испанию, Португалию, Албанию, Грецию.

27 февраля 1812 г. в палате Лордов он произнес свою первую речь, которая имела огромный успех. Он издал две первые песни своей поэмы “Чайльд-Гарольд”. Это произведение было благосклонно принято и критиками, и читателями. Уже в первый день было продано 14 тысяч экземпляров. Это поставило молодого поэта в один ряд с именитыми английскими литераторами.

В 1814 г. он женился, а через год стал отцом дочери Ады. Однако в 1816 г. развёлся, продал родовое имение и начал путешествовать. Жил в Швейцарии и Венеции. Это время было наиболее плодотворным. Он создал такие произведения, как “Пророчество Данта”, “Каин”, “Вернер” и несколько частей “Дон-Жуана”. Слово у Байрона не расходилось с делом.

Когда началось восстание в Греции, он купил корабль, оружие и поплыл в Грецию, чтобы бороться за её свободу. Там заразился лихорадкой, от которой умер 19 апреля 1824 г. Похоронен в Англии недалеко от Ньюстедского аббатства, в родовом склепе Ханкелл-Торкард.

Ода палачам

Ода авторам билля против разрушителей станков
Да, здравствует Эльдон! И Райдеру слава!
Британия будет при них процветать;
Лекарство готово, лечите державу,
Яд смертью поможет народ врачевать:
Злодеи ткачи приготовили смуту,
О помощи молят, ждут жалость сердец;
Повесив у фабрик, накажем их люто,
Исправив ошибки, свои, наконец.

Злодей, когда грабит, нас держит на мушке,
Собака и та, голодая, крадёт;
Повесив рабочих за ломку катушки,
Правительство деньги и хлеб сбережёт.
Дитя создаётся быстрее, чем машина,
Дороже, чем жизнь, нынче стоит чулок;
Повешенных ряд – процветанья картина,
Во имя свободы – голодным урок.

Бегут волонтёры, спешат гренадёры,
Полиция ловит несчастных ткачей,
Из тысяч ищеек составлена свора,
Готовит расправу толпа палачей.

Не все, голосуя, вверх руки тянули,
Иные из лордов стояли за суд,
Остались они меньшинством в Ливерпуле -
Несчастных на смерть без суда волокут.

Могилы растут, как грибы, на погосте,
На бедность и стоны ответ наш жесток:
За ломку машины – ломаются кости,
Жизнь стоит сегодня дешевле чулок.
Но если всё так, тогда может быть стоит,
Сначала дать право, тем шею свернуть,
Кто, будучи сытым, голодного гонит,
Чтоб петлю на шее его затянуть.

старый вариант

Да здравствует Эльдон! И Райдеру слава!
Британия будет при них процветать;
Лекарство готово, лечите державу,
Яд смертью поможет народ врачевать:
Злодеи ткачи приготовили смуту,
О помощи просят с котомкой в руках;
Повесив у фабрик, накажем их люто,
Ошибку исправим у жён на глазах.

Злодей, когда грабит, нас держит на мушке -
Собака и та, голодая, крадёт;
Повесив рабочих за ломку катушки,

Правительство деньги и хлеб сбережёт.
Дитя создаётся быстрее, чем машина,
Дороже, чем жизнь, нынче стоит чулок;
Повешенных ряд – процветанья картина,
Во имя свободы голодным урок.

Бегут волонтёры, спешат гренадёры,
Полиция ловит несчастных ткачей,
Из тысяч ищеек составлена свора,
Готовит расправу толпа палачей.
Не все, голосуя, вверх руки тянули,
Иные из лордов стояли за суд,
Остались они меньшинством в Ливерпуле -
Несчастных на смерть без суда поведут.

Кресты, как грибы, проросли на погосте,
На стоны голодных ответ наш жесток:
За ломку машины – ломаются кости
И ценятся люди дешевле чулок.
Но если так было, то может быть стоит,
Чтоб каждому право быть сытым вернуть:
У тех, кто голодному дверь не откроет,
Покрепче на шее петлю затянуть.

Оригинал:

Oh well done Lord E-n! and better Lord R-r!

Britannia must prosper with councils like yours;
Hawkesbury, help you to guide her,
Whose remedy only must kill ere it cures:
Those villains, the Weavers, are all grown refractory,
Asking some succour for Charity's sake –
So hang them in clusters round each Manufactory,
That will at once put an end to mistake.

The rascals, perhaps, may betake them to robbing,
The dogs to be sure have got nothing to eat –
So if we can hang them for breaking a bobbin,
'Twill save all the Government's money and meat:
Men are more easily made than machinery –
Stockings fetch better prices than lives –
Gibbets on Sherwood will heighten the scenery,
Showing how Commerce, how Liberty thrives!

Justice is now in pursuit of the wretches,
Grenadiers, Volunteers, Bow-street Police,
Twenty-two Regiments, a score of Jack Ketches,
Three of the Quorum and two of the Peace;
Some Lords, to be sure, would have summoned the Judges,
To take their opinion, but that they ne'er shall,
For LIVERPOOL such a concession begrudges,
So now they're condemned by no Judges at all.

Some folks for certain have thought it was shocking,
When Famine appeals, and when Poverty groans,
That life should be valued at less than a stocking,
And breaking of frames lead to breaking of bones.
If it should prove so, I trust, by this token,
(And who will refuse to partake in the hope?)
That the frames of the fools
may be first to be broken,
Who, when asked for a remedy, sent down a rope.

Эпитафия

Строки, написанные в альбоме, на Мальте
Как на могильном камне лица,
На миг задерживают нас,
Так у читающих страницу,
Пушкой замрёт на строчке глаз.

Когда прочтёшь случайно имя,
Когда ни будь, через года,
Подумай: автор здесь не зримо,
Здесь его сердце навсегда.

Lines written in an album, at Malta – В альбом. Мальта.
As o'er cold sepulchral stone
Some name arrests the passer-by:
Thus, when thou view'st this page alone,
May mine attract the pensive eye!

And when by thee that name is read,
Perchance in some succeeding year,
Reflect on me as on the dead,
And think my heart is burried here.

Перевод М.Ю. Лермонтова
Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,

Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.
Перевод Ф.И. Тютчева
Как медлит путника вниманье;
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих;
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно;
Напомнит им о прежнем друге:
«Его – нет боле в вашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Сонет к Шильону

Бессмертный дух свободного ума!
Сияй и в подземелиях, Свобода!
Любовь к тебе в сердцах пылает годы,
Не потушили пытки и тюрьма;

Когда твои сыны в оковах будут,
Во мраке склепа, позабыв свет дня,
Тебя их страны для себя добудут,
Себя прославишь крыльями звеня.

Шильон! Ты свят, твой камень терпелив,
Куда ни глянешь, тянутся следы,
Они истёрли плиты, дёрн откряв;
По ним шагая, проводил ты годы,
О, Бонивар, твой каждый шаг – призыв,
Борясь с тираном, добывать свободу.

Sonnet on Chillon

ETERNAL Spirit of the chainless Mind!
Brightest in dungeons, Liberty! thou art,
For there thy habitation is the heart—
The heart which love of thee alone can bind;
And when thy sons to fetters are consign'd—
To fetters, and the damp vault's dayless gloom,

Their country conquers with their martyrdom,
And Freedom's fame finds wings on every wind.
Chillon! thy prison is a holy place,¹
And thy sad floor an altar—for 'twas trod,
Until his very steps have left a trace¹
Worn, as if thy cold pavement were a sod,
By Bonnivard!—May none those marks efface!¹
For they appeal from tyranny to God.

Сонет к Шильону

Перевод Василия Андреевича Жуковского
Свободной Мысли вечная Душа, —
Всего светлее ты в тюрьме, Свобода!
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.

Когда в цепях, во тьме сырого свода,
Твоих сынов томят за годом год, —
В их муке зреет для врагов невзгода
И Слава их во всех ветрах поет.

Шильон! Твоя тюрьма старинной кладки —
Храм; пол – алтарь: по нем и там и тут
Он, Бонивар, годами шаг свой шаткий
Влачил, и в камне те следы живут.

Да не сотрут их – эти отпечатки!

Они из рабства к богу вопиют!

Эпитафия самому себе

Природа, молодость и Бог хотели
Чтоб мой огонь пылал в могучем теле;
Врач Романелли, укрепив свой дух,
Всех победил и мой огонь потух.

Оригинал

My Epitaph

Youth, Nature, and relenting Jove,
To keep my Lamp in strongly strove;
But Romanelli was so stout,
He beat all three, and blew it out.

Заплачешь ли

Заплачешь ли, когда умру в ночи?
Произнеси ещё раз это слово:
Но если очень больно, промолчи,
Я не хочу, чтобы страдала снова.

Печально сердцу, от надежд лишь прах,
Кровь остывает, сотрясает дрожь,
И всё – таки меня не мучит страх,
Умру – ты над могилою вздохнёшь.

Поэтому в моей душе покой,
Печаль стихает и тоска молчит:
При мысли, что я не забыт тобой,
Что твоё сердце за меня болит.

О, леди! Да падёт слеза твоя
На тех, кто слёз уже не может лить,
Она дороже станет для меня,
За это, как святую, буду чтить.

О, леди! Был живым, когда то я,
Умел, как ты, и верить и мечтать,
Теперь не трогает меня краса твоя,

Пришла пора навеки замолчать.

Заплачешь ли, когда умру в ночи?

Произнеси ещё раз это слово:

Но если очень больно, промолчи,

Я не хочу, чтобы страдала снова.

Оригинал

And wilt thou weep when I am low?

Sweet lady! speak those words again:

Yet if they grieve thee, say not so –

I would not give that bosom pain.

My heart is sad, my hopes are gone,

My blood runs coldly through my breast;

And when I perish, thou alone

Wilt sigh above my place of rest.

And yet, methinks, a gleam of peace

Doth through my cloud of anguish shine:

And for a while my sorrows cease,

To know thy heart hath felt for mine.

Oh lady! blessd be that tear –

It falls for one who cannot weep;

Such precious drops are doubly dear

To those whose eyes no tear may steep.

Sweet lady! once my heart was warm
With every feeling soft as thine;
But Beauty's self hath ceased to charm
A wretch created to repine.

Yet wilt thou weep when I am low?
Sweet lady! speak those words again:
Yet if they grieve thee, say not so –
I would not give that bosom pain.

Пенелопе

Был худший день, клянуся честью,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.